

Лала РЗАЕВА

О МОЕМ УЧИТЕЛЕ

«В продолжение выступления он периодически вынимал из нагрудного кармана, кажется, одну и ту же карточку и, едва заглянув в нее, приводил очередной факт или цитату. При этом лекция читалась хотя и без внешних эффектов, но вместе с тем очень артистично. Незабываемое впечатление», – вспоминает одна из присутствовавших в

Большом зале Азербайджанской консерватории на цикле лекций профессора тогда еще Ленинградской консерватории Леонида Гаккеля. Зал был заполнен до отказа, люди стояли в проходах, и наблюдался всеобщий подъем. Темы лекций были посвящены фортепианному искусству – делу всей жизни выдающегося ученого, доктора искусствоведения, заслуженного деятеля искусств России Леонида Евгеньевича Гаккеля, моего учителя. Помнится, нечто похожее творилось в бакинской филармонии за двадцать лет до описываемых событий во время гастролей Святослава Рихтера. Правда, атмосфера была еще и наэлектризована до предела, что неудивительно: публика окончательно сошла с ума после листовской Сонаты си-минор. И вот я думаю: те три дня лекций теплой абшеронской осенью 1986 года со всей очевидностью показали, что фортепианное искусство и слово о нем встали на одну, высокую ступень, очень высокую...

* * *

Мы с Леонидом Евгеньевичем знакомы немало лет. Он был моим научным руководителем. А еще раньше, в начале 70-х годов теперь уже прошлого века, я познакомилась с ним заочно, прочитав в журнале «Советская музыка» обзор только что

прошедшего V конкурса им. Чайковского за подписью «Л. Гаккель». Каюсь, не известный мне тогда автор находил точные определения, характеризуя особенности исполнения порой весьма юных конкурсантов-пианистов и даже намечал возможные перспективы дальнейшей сценической карьеры понравившихся ему участников. Во всем ощущалось **присутствие автора**, его личное отношение, что было совсем необычно для безличной манеры изложения того времени. По прочтении обзора без преувеличения на меня снизошло прозрение. Та давняя публикация свидетельствовала о том, что история и теория пианизма – это отдельная, притом самостоятельная область музыковедения, а музыкально-исполнительская критика – увлекательнейшее чтение, бесконечно далекое от сколь дежурного, столь и бессмысленного «концерт прошел на высоком профессиональном уровне» - а как еще должны проходить концерты, если, конечно, это не концерты художественной самодеятельности. Леонид Гаккель, в ряду других своих заслуг, заложил основы современной музыкально-исполнительской критики как дела не только злободневного, живого, творческого – но и **точного**, без расплывчатых формулировок, общих слов, дела, имеющего отточенную форму, художественную композицию – словом, музыкально-исполнительская критика под пером этого автора переросла в некую самостоятельную отрасль литературы.

* * *

Ссылки... Богатство ссылок, примечаний, упоминаний и т.п. **подавляет**. Думаешь: трех жизней не хватит, чтобы освоить такой обширный материал (ведь речь идет не только о музыковедческой и собственно музыкальной литературе – тут и разнообразные области человеческого знания, включая философию, разумеется, художественную литературу и т.д., и т.п., но и различные виды искусств, причем, исторический охват всего этого, кажется, безграничен). Мало того, что Л. Гаккель свободно оперирует своими беспрецедентными познаниями, в чем, возможно, у него найдутся конкуренты, но **интерпретация** этого моря информации и впечатлений, фактов искусства, жизни наконец, глубоко, я бы сказала, базово индивидуальна, отчего порой парадоксальна, в целом же неуклонно направлена на утверждение профессионального и человеческого достоинства художника, отстаивание эстетических – и этических – ценностей, носителем которых он (художник) должен быть по определению*. Конечно, отсутствие всякого рода общих мест, того, что студенты

* Другое дело, что творец, даже самый одаренный, не всегда равен своим художественным достижениям, что не раз отмечалось и героем настоящего повествования, но это тема другого разговора.

обыкновенно называют «водой», придает литературному стилю Л.Е.Гаккеля чрезвычайную концентрированность, насыщенность: ничего случайного, ничего необязательного. Нынешнему читателю, одинаково развращенному как «глянцем», так равно и зауемью квази – научных текстов (в последних могут отсутствовать подлежащие и сказуемые), приходится, что называется, подтягиваться: автор лишает вас возможности соответственно расслабленно скользить взором по комиксообразным страницам либо, напротив, ничего не поняв, уважительно затаить дыхание.

Как уже говорилось, Леонид Евгеньевич Гаккель окончательно оформил историю и теорию пианизма в полноправную отрасль музыкальной науки. Однако есть еще нечто, что необычайно дорого автору этих строк, а именно: он создал по существу новый литературный жанр, вобравший в себя науку, музыкальную критику, культурологический, этический аспекты рассматриваемых явлений. Тексты Л.Е.Гаккеля наглядно демонстрируют все больший «крен» в направлении вопросов морально-этической значимости роли музыканта, роли исполнителя (речь идет, разумеется, не о «поточных лауреатах») в нашей с вами жизни, любезный читатель, роли, как правило, нами не осознаваемой, но неизбежно что-то в нас меняющей. Всякий раз удивляюсь, видя, как в концертном зале разглаживаются, светлеют лица, увлажняются глаза у людей, которых, возможно, обоснованно считала черствыми, лишенными благородства**. Как представляется, показательными в этой связи, если не рубежными, то во всяком случае очень значимыми в творчестве Леонида Евгеньевича стали книги «Я не боюсь, я музыкант», «Театральная площадь» и в особенности книга «Величие исполнительства». Она посвящена выдающимся русским советским пианистам М.В.Юдиной и В.В.Софроницкому, а название ее можно перефразировать как величие слова об исполнительстве. Автор внушает читателю мысль о деятельности исполнителя как миссии, мысль об экзистенции, в которой невозможен артист-властитель дум (боюсь, это уходящая, если не ушедшая вовсе, натура!) без того, чтобы артист этот был личностью, притом свободной от груза привитых ей некогда норм, стандартов и т.п. – словом, всего того, что привычно именуется школой*. С каждым новым литературным опусом Леонида Евгеньевича ширится круг затрагиваемых им вопросов культурологического свойства. Искусство как устойчивая этическая ценность, искусство облагораживает тех, кто предан

** Одно из таких впечатлений связано, в частности, с концертом памяти Кара Караева в бакинской филармонии в сезоне 2012-2013 годов.

* Хочу быть правильно понятой: школа – это то, что должно пестоваться и сохраняться в первую очередь, однако без последующего рывка на просторы свободного творчества прилежные блюстители школы скорее компрометируют эту последнюю.

ему, а подлинное дарование само – носитель морали** – вот что настойчиво прокламируется автором и, верю, принимается читателем.

Что же до фундаментального труда Л.Гаккеля «Фортепианная музыка XX века», то смело можно сказать, что это настольная книга всякого, кто занимается вопросами фортепианного искусства. Очевидно, что значение этой книги с годами будет только расти, и причин тому немало. Одна из важнейших в этом ряду – известная «голографичность», объемность представленной автором картины фортепианной музыки 1-й половины XX века, постоянное присутствие глубокого фона в повествовании – воспользуюсь здесь столь любимыми Леонидом Евгеньевичем параллелями с эффектом обратной перспективы в старинной живописи. Отчасти подобная широкоохватность – развитие традиции историзма, характерной для лучших образцов еще советского музыковедения, переросшей в научной деятельности наиболее передовых ученых в системный подход к рассматриваемым проблемам. В книге «Фортепианная музыка XX века» этот системный подход приобретает едва ли не художественную форму, освобожденную к тому же от пут вульгарной идеологии*. Не умаляя заслуг предшественников Л.Е.Гаккеля на ниве истории и теории фортепианного искусства, признаем все же его большую роль в окончательной кристаллизации понятийного, терминологического инструментария этой науки. В каждой дефиниции, в каждой формулировке – безукоризненное, точное, глубокое знание языка, самых основ его. Гаккелевский русский язык – чистая музыка для тех, кто еще не утратил вкуса к хорошему языку, льющемуся подобно музыке – красочной, многоплановой, в которой есть и оркестральность, и камерность, и ирония, и благоговение перед чудом художественного дарования.

* * *

Попав впервые в дом Леонида Евгеньевича и Натальи Вадимовны – а большую часть своей жизни он прожил в знаменитой надстройке писателей, где домовая книга блистала именами Зощенко, Эйхенбаума, Слонимского, Шварца, я как человек безусловно кавказский и, следовательно, имевший незыблемое представление о «профессорском гнезде» (вольтеровское кресло, персидский ковер, книжные шкафы красного дерева, тяжелые портьеры, величественная тишина александрийской библиотеки), была поражена

** Своей морали, – продолжу, не покушаясь на потерявшее из виду смыслы исполнительства броуново движение концертных туристов.

* Не будем забывать, что первое издание книги приходится на 1976 год – время, согласитесь, безусловно идеологическое.

простотой и непритязательностью убранства квартиры, в которой тем не менее все было устроено предельно рационально. В одной из комнат, специально выделенной для этой цели, занимался младший сын, ныне концертмейстер виолончелей оркестра Мариинского театра. Время было глубоко советское, а разговоры все больше вольные, разве что не на кухне, ибо кухни в общепринятом смысле этого слова... не было – подобные проекты зданий эпохи социального эксперимента, как известно, прозваны были в народе «слезой социализма». Мама Леонида Евгеньевича, дама элегантная во всех своих проявлениях, актриса, сделавшая заметный вклад в историю советского кинематографа, – правда, узнала я об этом не из ее уст, а из давней публикации в журнале «Искусство кино». Зная, что отец Леонида Евгеньевича был известным ленинградским театральным режиссером, не так давно обнаружила, что Е.Г.Гаккель в середине 30-х годов прошлого века ставил спектакли и у нас в Баку, в театре Русской драмы – и удивила этим сообщением его семью. Как-то раз в кабинете Леонида Евгеньевича обратила внимание на небольшое фото человека в рясе и спросила, кто это. «Мой двоюродный брат», – был краткий ответ. Впоследствии случайно узнала, что это был тот самый отец Сергей Гаккель, богослов, чьи выступления украшали вещание русской службы радио Би-Би-Си. Заметьте, обо всем этом я всякий раз узнавала откуда угодно, только не от самого Леонида Евгеньевича – вот характерное поведение героя нашего повествования, истинного ленинградского-петербургского интеллигента.

Я дружу со своими учителями, дай им Бог здоровья и 100 лет жизни. Они не поучают, не назидают, даже не утешают, но в иные минуты, просто поговорив с ними, укрепляюсь в верности внушенных в том числе и ими истин и получаю-таки утешение и твердость. Мне приятно, что они исполнены симпатий друг к другу, хотя живут в разных точках нашего большого – маленького мира. Так получилось, что все они с их живостью, остроумием, гибкостью – и рефлексией – принадлежат к поколению шестидесятников. Я же, всегда интересуясь так называемыми шестидесятниками и даже опубликовав очерк о бакинских шестидесятниках, часто думаю: отчего они в ряде случаев не реализовались в полную меру дарованного им природой (в отличие, скажем, от поколения фронтовиков) и, кажется, разобралась в этом, как выразились бы юристы, казусе. Причин, как и всегда, немало. Среди них, увы, недостаточные твердость, последовательность в отстаивании жизненных принципов (если таковые имелись, ибо пройтись в Баку по Торговой или в Москве по Горького в туфлях на «манке» и с волосами, уложенными коком, – это не совсем то), известные наивность и прекраснодушие («оттепель»!) и, конечно, страх, страх, который неведомо в каком поколении выветрится на одной шестой части земной суши. Леонид Евгеньевич Гаккель в ряду своих однопоколенцев – реализовался. Думается, один из

элементов, скрепляющих воедино все стороны его многогранной личности, возможно, даже решающий элемент – единство слова и дела, прокламируемых ценностей и следования им в повседневной жизни. Никаких преходящих тщеславных поползновений, никакого расчета на преференции, никакой очарованности властями предержажими – и благодарность современников за книги, лекции и, конечно же, за участие в знаменитых «Декабрьских вечерах» в московском Пушкинском музее. Журналист и театровед Н.Х.Исмаилова, инициатор опубликования в газете «Известия» выступлений Леонида Евгеньевича на этом фестивале, в беседе с автором этих строк особенно выделила посвященную Д.Шостаковичу лекцию с таким названием: «Ад! Где твоя победа?». Тут, любезный читатель, позвольте ступить на территорию советской фразеологии, а именно: в произведениях Л.Гаккеля всегда видна его гражданская позиция. Последняя не выпячивается, не превращается, так сказать, в профессию (профессиональный патриот, профессиональный гражданин – это мы уже проходили). Никаких лозунгов («это неудобно» - еще одно уходящее представление), зато пафос, призывающий человека **подняться**, обратить взор вверх – и это в то время, когда литература и искусство из года в год копошатся в человеческих несовершенствах, однако «милости к падшим» в виду не имеют. «Падшие» же все агрессивнее оглашают окрестности призывами объединиться с ними в гордыне париев.

* * *

Литературный стиль Гаккеля изыскан, а выработанный им тип повествования в им же созданном музыкально-литературном жанре я бы сравнила со стилем Марселя Пруста в художественной литературе, если бы не одно опасение: иронический взгляд этого убийственно остроумного человека из-за толстых стекол очков. Но написал же он сам о своем учителе, многолетнем профессоре С.-Петербургской консерватории Натане Ефимовиче Перельмане несколько статей – в одной из них были щемяще трогательные строки, исполненные прямо-таки сыновней нежности. Так что я сравню.

Будучи знакома с большей частью работ Леонида Евгеньевича, могу, кажется, судить о стилево характерном или нехарактерном для этого выдающегося автора. Так вот, предполагать, что по отношению к своей деятельности он станет оперировать выражениями вроде «алтарь» или «святыня», может разве что безумец. Но для Леонида Евгеньевича музыка, слово о ней истинно являются делом жизни, притом делом чистым*. И хотя мне не

* Интересно, что многочисленные воспоминания о Сергее Есенине сходятся в одном: при всех известных особенностях нрава и образа жизни поэт, приступая к работе, держал себя и свое рабочее место в чистоте и порядке.

приходилось видеть своего учителя за работой у письменного стола, отчего-то сцена эта ассоциируется с чистотой и прохладным сумраком храма.

Гаккель – один из тех авторов, которых хочется цитировать. Он обладает способностью дать меткое определение явлению, набросать афористичный портрет героя, эпохи, словом, **назвать**. Не могу удержаться, чтобы не вспомнить вслед за сослуживицей Леонида Евгеньевича по петербургской консерватории Э.С.Баручевой то, как назвал он дирижера Е.Мравинского: патриций (!). В разных публикациях, связанных с именем этого выдающегося музыканта, автор обыгрывает мысль о патрицианстве облика и образа действий своего героя, обосновывает ее и настаивает на ней. Другое запомнившееся многим выражение – «миражи исполнительства» (так называется статья, выразившая обеспокоенность музыканта ситуацией, сложившейся в фортепианном искусстве). Посетитель концертов, слушатель вроде и наблюдает эти процессы, даже, возможно, испытывает смутное беспокойство, но, что называется, «не формулирует». А увидев запечатленным на бумаге, всплескивает руками: ах, как точно сказано! В той же памятной (и нашумевшей) статье «Миражи исполнительства» фортепианная музыка С.Прокофьева названа «музыкальным театром» - определение это, безусловно, пояснит исполнителю многое в грядущей интерпретации. Наконец, название сборника статей еще 1993 года «Я не боюсь, я музыкант» можно также с полным основанием назвать основополагающим для жизни и деятельности Леонида Евгеньевича Гаккеля: бесстрашие профессионала, преданного своему делу, и – шире – при всей затертости и даже скомпрометированности этих слов официальной демагогией – патриота и гражданина. При этом гражданственность и патриотизм Леонида Евгеньевича не дежурно-трескучие, а, я бы сказала, естественно-генетические. Вот почему вы не встретите его ни на баррикадах «левых», ни в колоннах «правых»: это внешнее, это неудобно – вот и снова давешняя «уходящая натура».

* * *

Слово «гаккель» в переводе с немецкого означает «рубить», «резать». Очевидно, подобные действия подразумевают недюжинную силу у совершающего такие действия. Силы моего учителя Леонида Евгеньевича Гаккеля, силы творческие, душевные не убывают, а напротив, дают все новые образцы неколебимости, дают ощущение устойчивости, надежности окружающим его друзьям, близким и многочисленным почитателям.